

УДК 1:3; 001.8:3

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

Теория социального качества как инструмент анализа социальных процессов: возможности и границы применения

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются современные подходы к изучению социальной динамики, нашедшие концептуальное выражение в теориях социального качества жизни, связывающих экономико-статистические данные с индикаторами, отражающими интегративные связи и формы социального взаимодействия внутри сообществ. Попытка оценки эффективности данных теоретико-методологических подходов осуществляется в контексте анализа такой проблемы российского общества, как возросший уровень эмиграционного оттока из страны в последние годы.

Ключевые слова

индикаторы, показатели социального развития, социальная динамика, качество жизни, методология, модернизация, социальное качество

Для цитирования

Самсонов В. В. Теория социального качества как инструмент анализа социальных процессов: возможности и границы применения // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 62–73. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

Theory of Social Quality as a Tool for Analyzing Social Processes: Opportunities and Scope of Adaptation

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers modern approaches to the study of social dynamics, which are conceptually reflected in theories of social quality of life, linking economic and statistical data with indicators reflecting integra-

© В. В. Самсонов, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

tive relationships and forms of social interaction. An attempt to assess the effectiveness of these theoretical and methodological approaches is carried out in the context of analyzing such a problem in Russian society as the increased level of emigration in recent years.

Keywords

indicators, indicators of social development, social dynamics, quality of life, modernization, social quality

For citation

Samsonov V. V. Theory of Social Quality as a Tool for Analyzing Social Processes: Opportunities and Scope of Adaptation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-62-73

В начале XXI в. общепризнанной задачей исследования в социальных науках становится измерение благосостояния общества как показателя социального прогресса, выходящего за рамки экономических показателей. Теоретико-методологическими концепциями, направленными на сравнительное изучение социальной динамики в различных обществах, разрабатывается широкий набор разнопорядковых индикаторов, от традиционных объективных статистических показателей (имеющих отношение в первую очередь к развитию экономической сферы) до субъективно-социологических переменных (включающих оценки людьми качества своей жизни, условий повседневного существования, прав и возможностей в публично-политической сфере). А традиционные показатели развития, такие как, например, валовой внутренний продукт, данные о промышленном и сельскохозяйственном производстве, инвестициях в капитал и т. п., все чаще признаются недостаточными

В данной работе мы рассмотрим этапы формирования современных подходов к изучению динамики социального развития, их объединение в системы и методологические модели, нашедших концептуальное отражение в понятии «социальное качество жизни». Попытка оценки эффективности этих методологически-концептуальных подходов будет осуществлена в применении к контексту одной из важнейших социальных проблем России, возникшей в последние годы и проявляющейся в резко возросшем уровне оттока из страны наиболее образованных и востребованных в инновационных сферах специалистов и в возросшей распространенности миграционных настроений среди молодежи. (Причем как причины отъезда эмигранты отмечают недостатки развития именно в тех сферах, которые выделяются исследованиями социального качества жизни как ключевые для успешного и эффективного развития современного общества).

Социальные показатели и качество жизни: современные подходы к изучению динамики социального развития

Современное общепринятое понимание «качества жизни» как специфического набора индикаторов социальной динамики (совмещающего в себе как статистические, экономические данные, так и показатели социально-интегративных процессов, отражающие переход к постиндустриальной и посткапиталистической фазе развития западных обществ) возникло в середине 1960-х гг. Считается, что впервые в отчетливой форме данная методология была сформулирована в результате реализации проекта под управлением агентства НАСА по выявлению влияния космической программы на американское общество и побочные эффекты этого воздействия. Директором этого проекта, Р. Бауэром, был сделан вывод о почти полном отсутствии соответствующей методологии, и была разработана система «социальных показателей», включающая в себя «данные, набор статистических рядов и другие доказательства, позволяющие определить, где находится общество и куда оно движется в отношении ценностей и целей» [Bauer, 1966]. Аналогичные исследования вскоре начали осуществляться под эгидой ООН, под руководством других национальных и международных институтов. Быстрое распространение нового концептуально-методологического подхода было связано с особым политическим климатом тех лет, которые воспринимаются сегодня как период процветания, когда в наиболее развитых западных обществах впервые возникают сомнения относительно экономического роста и материального процветания как основной цели социального прогресса. Концепция «качества жизни» возникла как воплощение альтернативной, многомерной и гораздо более сложной цели развития обществ, оказавшихся перед пределами дальнейшего роста и обеспокоенных экологическими условиями существования. Входящие в набор методологических компонентов индикаторы отражали специфические аспекты анализа комплексных процессов модернизации, представляя собой «сбалансированные статистически-нормативные наблюдения, позволяющие вынести краткие, всеобъемлющие и взвешенные суждения» о состоянии важнейших сфер и элементов общества, его движение в «правильном направлении», в то время как «другие вещи не меняются или меняются незначительно» (см.: [Zapf, 1993. P. 165]).

В рамках социально-качественного подхода основное внимание уделяется как разработке стандартов для мониторинга прогресса в модернизации общества, так и решению связанных с этим проблем, и выделяются различные компоненты, наборы индикаторов, избираемых для эмпирического измерения. В частности, различие между так называемыми «объективными» и «субъективными» социальными показателями тесно связано с соответствующей концептуальной системой отсчета.

В то время как объективные социальные индикаторы представляют собой статистические данные, показывающие социальные факты, независимые от личных оценок, субъективные социальные индикаторы отражают индивидуальное восприятие и оценку социальных условий.

Выбор объективных показателей отталкивается от предположения, согласно которому условия жизни как благоприятные или неблагоприятные можно оценивать путем сравнения реальных условий с нормативными критериями. Важным предварительным условием для этого является наличие общественного консенсуса по таким вопросам, как: 1) индикаторы, имеющие значимость для анализа благосостояния; 2) ранжирование условий; 3) выбор направления, в котором должно двигаться общество. Ранжирование индикаторов всегда может быть подвергнуто критике. Так, сокращение безработицы и преступности или рост доходов населения, как и уровня образования – всегда воспринимаются как улучшение и прогресс. Менее мы можем быть уверены в оценках такого показателя, как возраст выхода на пенсию. Изменения неравенства в доходах также не всегда воспринимаются как показатель социального прогресса, учитывая возможность противоречий между справедливостью и эффективностью или справедливостью и экономическим ростом [McMurrer, Isabel, 1998. P. 25].

Подход, ориентирующий в первую очередь на субъективное благополучие людей как конечный результат процессов социального развития, разрабатывался преимущественно американскими исследователями. Согласно традиции утилитарной философии «исследования психического здоровья», «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [Campbell, 1972. P. 442]. Субъективное благополучие отдельного гражданина считается конечной целью развития общества и критерием, который следует использовать для измерения качества жизни; сам «простой человек» считается лучшим экспертом для оценки качества своей жизни. Использование субъективных социальных показателей, в отличие от объективных, основано на предположении, что понимание направленности изменений благосостояния в итоге должно и может оцениваться отдельными гражданами (благополучие которых отражается в оценках удовлетворенностью условиями жизни). Эта позиция тоже не бесспорна и вызвала глубокую полемику о принципах субъективно трактуемого благосостояния – поскольку избираемые исследователями показатели (например, счастье или дискомфорт) отражают только индивидуальные состояния, что не всегда полезно для измерения качества общества как целостности. По словам Р. Эриксона, одного из наиболее выдающихся сторонников скандинавских исследований в области социального обеспечения, «мнения и предпочтения индивидуумов должны включаться в демократический политический процесс в результате их деятельности в качестве граж-

дан, а не в результате опросов... критике может быть подвержена адаптированность к своим нынешним условиям людей, измеряющих положительно или отрицательно качество своей жизни». Одна из их проблем, связанных с подходом, основанным на субъективно-индивидуальной оценке удовлетворенности, заключается в том, что он «зависим от уровня развития персональных стремлений» (см.: [Erikson, 1993. P. 77–78]). По мнению критиков, вопросы относительно надежности использования субъективных индикаторов также могут быть дополнены вопросами относительно достоверности такого рода информации.

Сегодня консенсус мнений заключается скорее не в полном отрицании одного из двух подходов такого типа, а в том, чтобы основывать измерения благосостояния и на объективных, и на субъективных показателях. В попытках комплексного анализа для каждой категории потребностей человека подбираются как объективные, так и субъективные индикаторы. Их объединение (ковариация) позволяет выявить взаимосвязь субъективных оценок и внешних условий.

Социальное качество: основные сферы изучения динамики современного социального развития

Хотя главные аспекты социально-качественного подхода начали формироваться в эмпирических исследованиях 1960-х гг., наиболее широко его распространение происходит в последние десятилетия, что часто объясняется тем, что именно в наши дни, теоретические и практические установки, сформированные в его рамках, начали наиболее соответствующе отражать специфику происходящих процессов «поздней модернизации», меняющие прежние формы «социального порядка». Концепция «социального качества» сформировалась в результате дальнейшего развития методологии анализа «качества жизни»; в ней современное общество рассматривается как результат артикуляции социальной и системной интеграций, обеспечивающих контекст для социального действия (см.: [Lockwood, 1992]). Социальное качество определяется как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [Beck et al., 2007. P. 25]. Качество общества влияет на социальную активность: чем выше качество общества, тем больше у людей возможностей для планирования целей и реализации желаний.

Теория социального качества основывается на трех предположениях.

1. Человек по своей сути является социальным существом, деятельность которого направлена на удовлетворение собственных потребностей. В этом контексте, люди наделяются соответствующими правами и полномочиями.

2. Социальное пространство возникает в результате взаимодействия человека с системой, с экономическими и социальными структурами. Взаимодействие между людьми как социальными существами и коллективными тождествами имеет противоречивый, диалектический характер, но именно так порождаются социальные изменения и социальное пространство как таковое.

3. Наиболее важны две группы противоречий: (а) между социальным и «биографическим», индивидуальным развитием (что характеризуется как разрыв между макро- и микроуровнями); (б) между формальным уровнем и неформальным «жизненным миром» (см.: [Beck et al., 2007. Р. 25]).

В модели социального качества выделяются четыре области: экономическая безопасность, социальная сплоченность, социальная интеграция, полномочия и возможности. Они выражены в виде квадрантов, которые являются продуктом системно-социальных интегративных процессов (см.: [Lockwood, 1992]).

Социально-экономическая безопасность – степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы, необходимые для повседневной жизни, как условия для процесса самореализации. У социально-экономической безопасности есть два аспекта: (1) факторы благосостояния, которые гарантируют базовую экзистенциальную безопасность граждан (доход, социальная защита, здоровье), безопасность повседневной жизни (качество пищевых продуктов, условия труда, проблема охраны окружающей среды) и внутренняя свобода, безопасность и правосудие; (2) жизненные возможности людей для поддержания и развития достойных условий существования: «Здесь цель состоит в увеличении числа альтернативных вариантов, между которыми человек может выбирать» [Beck, van der Maesen, 2001. Р. 341]. При отборе переменных, входящих в первую группу, учитываются субъективные и объективные представления об экономической безопасности, показатели бедности, оцениваются доходы домохозяйств, факторы депривации (в том числе, касающиеся способности людей приобретать товары и услуги первой необходимости) и т. д.

С практической точки зрения подход, основанный на изучении «материальных» причин социальной эксклюзии, является, вероятно, самым простым в использовании, поскольку позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Вместе с тем первичными факторами неудовлетворительного развития сообществ, наций, индивидуумов выступают именно условия социально-экономической безопасности. Особенно показателен приоритет этого набора индикаторов качественно-социального развития при анализе социальной ситуации в российских условиях, показывающем, что депрессивное развитие провинции или сельской «глубинки» зачастую вызвано последствиями «трансформационного шока», выражающимися

в низких показателях социально-экономической безопасности и признаках социально-политической эксклюзии населения (проявляющейся в первую очередь в гражданской пассивности, равнодушии к вопросам гражданской, социальной субъектности) [Зазулина, Самсонов, 2013]. Социальное неблагополучие проявляется в местной (территориальной) сегрегации и разъединении (исключенные сообщества, поселения, экономическая и социальная среда которых неразвиты и в которых отсутствуют возможности социального роста). Члены таких сообществ презираемы и избегаемы членами других, более благополучных сообществ; классический пример исключенного в социальном отношении сообщества – это гетто или «глубинка».

Социальное неравенство не всегда является абсолютным препятствием к социальной сплоченности и участию граждан в жизни общества (история знает немало количество примеров объединения жестко стратифицированных обществ в противостоянии, например, внешней агрессии) – в то время как свободно социально структурированное, гетерогенное или плюралистическое общество, характеризующееся относительным равенством и низким порогом исключения, может быть разобщенным, т.е. характеризоваться более низким уровнем социального сплочения.

Индикаторы социальной сплоченности ориентированы на связи в обществе и изменение проявлений в нем показателей доверия. При высоком уровне социальной сплоченности граждане действуют как реальные социальные существа, вовлеченные в социально-партиципативное действие (активное участие в жизни общества). Взаимодействие такого типа обеспечивает социальную стабильность, сохранность и развитие социального порядка, поддерживаемого верховенством права. Для анализа уровня социального сплочения используются индикаторы, показывающие, насколько общество в целом связано внутренне – такие как общее доверие в обществе, доверие к правительству (в том числе оценка государственной пенсионной системы и системы социального обеспечения), показатели восприятия социальных конфликтов, позволяющие понять, насколько разделено или объединено общество (шкала конфликтов рассчитывается на основе анализа ответов на вопросы о том, существует ли напряженность между бедными и богатыми, между различными расовыми и этническими группами и полами между собой, а также между управляющей прослойкой и простыми работниками).

Третья область, характеризующаяся как социальная инклюзия (включенность) – это степень, в которой люди интегрированы в институты и социальные группы, насколько они погружены в реалии, которые определяют самореализацию человека, участие в связях, включающих в себя, помимо самых простых («сильных»), близких отношений с родственниками и друзьями, членство в более «слабых» (или

более сложных, с другой стороны) сетях. Признаком нехватки принадлежности к социуму выступают одиночество, изоляция, низкое самоуважение. Скорее всего, такие индивидуумы характеризуются недостаточным доверием к людям, персонам, символизирующим власть; лишение доступа к ресурсам проявляется в безработице и отсутствии жизненных возможностей. Таким образом, в социальном отношении исключенные индивиды характеризуются как люди, имеющие низкое чувство собственного достоинства, отдаленные от социальной, политической и экономической (формальной) активности, не участвующие в «нормальной» общественной жизни. Типичный пример индивидуального проявления социальной маргинализации – бездомные, алкоголики, наркоманы, члены «проблемных семей».

При анализе уровня интегрированности респондентов в сообщество и их включенности в социальные отношения изучается частота контактов с друзьями, родственниками, другими людьми. Показатели включенности в такие формы общения, а также возможность обратиться к кому-либо за поддержкой трактуются как индикатор связи индивида со своим окружением. Точно так же включенность в семейные связи показывает уровень интеграции в социальные сети (основной тип сообщества). Участие в избирательном процессе (голосование на выборах) и членство в политической партии или профсоюзе дают другое представление о том, как человек может взаимодействовать с обществом с помощью формальных механизмов (включенность в формальный социальный капитал).

Четвертая сфера социально-качественного подхода сосредоточена на условиях для расширения индивидуальных и коллективных прав и полномочий, наделение людей такими возможностями, которые позволяют им осуществлять активную деятельность необходимую для того, чтобы индивиды могли воздействовать на окружающую среду. В таком ключе используется следующий набор показателей: образованность (доступность к «культурному капиталу»), доступность качественных медицинских услуг, самооценка состояния здоровья, в том числе психологическое состояние, экологическая обстановка, субъективное восприятие условий и перспектив жизни) и т. д.

Выделенные компоненты не являются ортогональными (непересекаемыми). Так как они взаимодействуют и дополняют друг друга, нельзя выделить какой-либо элемент и редуцировать к нему уровень социального развития в других сферах – также как невозможно при анализе социальных процессов опираться только на статистические или социологические показатели. Конечно, в той или иной конкретной ситуации можно выделить тот или иной набор индикаторов в качестве ключевого, определяющего состояние других областей социального развития. Од-

нако порядок значимости этих факторов в других условиях может измениться, что требует изменения исследовательской перспективы.

Сферы применения социально-качественного подхода в контексте проблематики эмиграционного оттока из России

В последнее время к проблемам кризиса в демографической сфере России и нехватки, дефицита кадров в областях, связанных с развитием инновационных технологий, добавилась проблема роста эмиграции населения из страны. Ситуация обостряется преобладанием среди людей, покидающих страну, наиболее квалифицированных, образованных специалистов, а также в связи с увеличением доли молодежи, ориентирующейся на перспективы эмиграции.

По оценкам исследователей, опирающихся как на данные Росстата с 1997 г., так и на доклады аналитических агентств, темпы эмиграции с начала 2000-х гг. из России ежегодно снижались. Однако с 2012 г. показатель резко пошел вверх. В целом из России уехало от 1,6 до 2 млн россиян из 145 млн, живших до 2000 г. Причем в последние годы ежегодная эмиграция стала превышать самые высокие показатели прежних лет. Только с 2014 по 2016 г. из России уехало почти 977 тыс. чел.¹ В 2016 г. число людей, эмигрировавших в страны дальнего зарубежья, выросло в 4 раза в сравнении с 2011 г.

При этом образовательный и социальный статус эмигрантов повысился. Если в 2000–2011 гг. из страны в основном уезжали предприниматели, средний класс, «импортированные» родители и дети эмигрантов 1990-х гг., то с 2012 г. в потоке эмигрантов стали преобладать люди, занятые в IT-индустрии, сотрудники НКО, творческие работники, политические активисты. У 45 % уезжающих есть дипломы бакалавра или специалиста, 36 % – магистерская или кандидатская степень, и только у 19 % нет высшего образования. У многих из эмигрантов «новой волны» несколько образований, поэтому общая сумма процентов в этом перечне больше 100.

Нынешние эмигранты отличаются своими настроениями, которые основаны «на сложном комплексе культурных и предпринимательских мотиваций, нежели на мотивациях экономических или чисто политических». Они моложе, образованнее, лучше владеют иностранными языками, лучше понимают устройство глобального мира, более свободны и разнообразны в культурном и профессиональном плане; 72 % эмигрировавших были полностью трудоустроены до отъезда,

¹ Астахов С. Греф откровенно объяснил чиновнику правительства, почему из России уезжают специалисты. URL: <https://www.mk.ru> (дата обращения 26.10.2019).

а свои политические взгляды почти половина мигрантов (45 %) характеризуют как либеральные или очень либеральные².

Наибольшее беспокойство вызывает рост миграционных настроений среди молодежи: 53 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет хотят переехать за границу на постоянное место жительства – это максимальный показатель за последние годы.

В числе причин, которые побуждают образованных и молодых россиян задуматься о переезде – желание обеспечить детям достойное будущее за границей (45 %), экономическая обстановка в России (40 %), высокое качество медицины за рубежом (35 %) и политическая обстановка в стране (33 %) (см. таблицу). Если проанализировать и ранжировать основные причины, по которым происходит рост миграционных настроений у молодежи, то можно выделить три группы: 1) молодежь видит за границей больше возможностей для своей карьеры; 2) инфраструктура жизни за рубежом оценивается гораздо выше – неслучайно медицина на 3-м месте среди причин для отъезда (помимо медицинских услуг и их качества, такие представления относятся и к сравнительным уровням образования, экологии, социальных стандартов, транспорта – все это влияет на качество жизни и возможности человека); 3) политическая обстановка, неудовлетворенность

Что прежде всего заставляет Вас задуматься об отъезде из страны?

What makes you think about leaving the country?

Ответ	Количество ответов, %
Желание обеспечить детям достойное будущее за рубежом	45
Экономическая обстановка в России	40
Высокое качество медицинских услуг за рубежом	35
Политическая обстановка в России	33
Больше возможностей для карьерного роста за рубежом	28
Высокое качество образовательных услуг за рубежом	26
Интерес к другой культуре	18
Больше возможностей для ведения бизнеса за рубежом	16
Большая правовая и социальная защищенность за рубежом	12

Источник: Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения // Левада-Центр, пресс-выпуски, 26 ноября 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4>. (дата обращения 06.12.2019).

² Фаизова Л. Хорошее образование, политические мотивы: эксперты оценили эмиграцию из России с 2012 года. URL: <https://thebell.io> (дата обращения 24.03.2019).

в оценке своих возможностей (полномочий) на изменения направленности развития общества в соответствии со своими предпочтениями (большинство потенциальных отъезжающих считают, что дела в стране идут в неправильном направлении (56 % против средних 36 %), но при этом среди них гораздо больше доля людей, готовых участвовать в политической жизни страны (среди потенциальных эмигрантов об этом говорят 39%, а в среднем 23%)).

Представители российского руководства, анализирующие сущность проблемы «утечки мозгов», вполне обоснованно отмечают³, что рост эмиграции зависит в первую очередь от таких факторов, как индикаторы благоденствия, инфраструктура общества, климат или система управления. Именно на изучение этих показателей ориентирована методология социально-качественного подхода для оценки соответствия ожиданиям людей государственной политики и ее влияния на инновационное развитие общества. А мотив «обеспечить детям достойное будущее за рубежом» характеризует признание политики государственного регулирования в современной России как неудовлетворительной при оценке своих жизненных перспектив. «Молодые люди не воспринимают предлагаемую государством модель развития страны – и при этом их жизнь не так устоялась, как у более старшего поколения»⁴. Субъективные оценки эмигрантами условий жизни и ее перспектив главным образом касаются именно сфер, выделяемых социально-качественной моделью как главных для развития современного общества – это переменные, относящиеся и к социально-экономической безопасности, и к показателям оценке уровня социальной интеграции, и к представлениям о сохранности и расширении индивидуальных прав и полномочий (что выражается, помимо критики политической обстановки в стране, в отрицательной характеристике развития сфер и образования, и здравоохранения).

Можно отметить, что люди, ориентированные на отъезд из России, ощущают потребность не только в улучшении экономических условий, но и в частичном изменении модели развития общества. Обновленная модель должна опираться на современную методологию изучения социальной динамики и изменений качества жизни. Это откроет возможности для полноценной интеграции граждан в социальную систему и их участия в новых и важных социальных изменениях. Пока социально-государственная политика выстраивается таким образом, что игнорируются представления людей о том, как должно функционировать современное общество, то среди молодежи и дальше будут преобладать негативные на-

³ Астахов С. Греф откровенно объяснил чиновнику правительства, почему из России уезжают специалисты.

⁴ Стогней А. Число желающих уехать из России молодых людей достигло максимума за последние 10 лет. URL: <https://thebell.io> (дата обращения 30.11.2019).

строения и ориентация на отъезд за границу в качестве первого по значению шага при выборе жизненной стратегии.

Список литературы / References

- Зазулина М. Р., Самсонов В. В.** Стратегии самоорганизации российского сельского социума: история и современность. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 352 с.
- Zazulina M. R., Samsonov V. V.** Strategii samoorganizatsii rossiiskogo selskogo sotsiuma: istoriya i sovremennost [Self-organization strategies of Russian rural society: history and modernity]. Novosibirsk, Manuscript Publ., 2013. (in Russ.)
- Bauer R. A.** Social Indicators. Cambridge, London, The MIT Press, 1966.
- Beck W., van der Maesen L.** Social Quality: A Vision for Europe. The Hague, Kluwer Law International, 2001.
- Beck W. et al.** Theoretical Foundations for forthcoming third book on social quality. In: European Foundation for Social Quality. The Hague, 2007. Chapter 3.
- Campbell A.** Aspiration, Satisfaction and Fulfillment. In: The Human Meaning of Social Change. New York, Russell Sage Foundation, 1972, p. 441–446.
- Erikson R.** Descriptions of Inequality: The Swedish Approach to Welfare Research. In: The Quality of Life. Oxford, Clarendon Press, 1993, p. 67–87.
- Lockwood D.** Solidarity and Schism: 'The Problem of Disorder' in Durkheimian and Marxist Sociologies. Oxford, Oxford Uni. Press, 1992.
- McMurrer D. P., Isabel V. S.** Getting Ahead. Economic and Social Mobility in America. Washington DC, The Urban Institute Press, 1998, 100 p.
- Zapf W.** Wohlfahrtsentwicklung und Modernisierung. Einstellungen und Lebensbedingungen in Europa. In: Soziale Indikatoren XVII. Frankfurt, New York, Campus, 1993, p. 163–176.

Материал поступил в редколлегию

Received

16.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Самсонов Всеволод Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod V. Samsonov, Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

highbook@yandex.ru